

После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской ИСТОРИИ

МАТЕРИАЛЫ
VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ЕКАТЕРИНБУРГ,
15-17 ОКТЯБРЯ 2015 г.

ЕЛЬЦИН
ЦЕНТР

Москва
2016

ДЕБАТЫ

ЛИНИЗМА

ЛИНИЗМА

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6
П62

П62 После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории : Материалы VIII международной научной конференции. Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г. – М. : Политическая энциклопедия ; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2016. – 663 с. : ил. – (История сталинизма. Дебаты).

ISBN 978-5-8243-2066-4

Восьмая конференция из цикла «История сталинизма» посвящена проблемам преодоления наследия диктатуры Сталина как фактора советского транзита сначала к несталинской, умеренно авторитарной, а затем к постсоветской модели развития. Существенные политические и социально-экономические реформы в СССР начались сразу же после смерти Сталина. Этому способствовали многочисленные предпосылки, прежде всего тяжелое положение, в котором оказалась страна в начале 1950-х годов, массовые ожидания перемен и осознание советским лидером невозможности продолжения прежнего курса. Несмотря на то что реформы имели ограниченный и противоречивый характер, они способствовали позитивным сдвигам, придали заметный импульс развитию советского общества. Трудности 1970 – начала 1980-х годов заставили искать новые направления советского транзита и завершились отказом от социалистической системы и распадом СССР. Несмотря на это, в новой России и других постсоветских государствах вопросы десталинизации или ресталинизации сохраняют актуальное политико-идеологическое значение, являются предметом общественных и научных споров. Задача данной конференции – зафиксировать основные тенденции и вехи десталинизации в длительной ретроспективе, подвести определенные итоги этого процесса, а также современных дискуссий о сталинской системе.

В конференции приняли участие специалисты из Белоруссии, Германии, Киргизии, Литвы, Молдавии, Польши, России, США, Украины, Швеции и др.

Издание адресовано научным работникам, всем интересующимся социальной и политической историей России.

*Конференция состоялась, и настоящее издание подготовлено
благодаря финансовой поддержке
Президентского центра Б. Н. Ельцина*

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-8243-2066-4

© Коллектив авторов, 2016
© Политическая энциклопедия, 2016

В. Сирутавичус

ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС: ЛИТВА В 1953–1957 гг.

Свою небольшую статью я бы хотел начать с нескольких общих тезисов.

Во-первых, процесс десталинизации в Литве имел ярко выраженный национальный характер. В политической повестке дня появились вопросы (ожидания и требования), актуальные для литовцев – титульной нации республики. Это и продвижение литовского языка в общественной жизни, возвращение культурного наследия, и, наконец, продвижение национальных кадров в советском бюрократическом аппарате.

Во-вторых, в самом начале процесса десталинизации политическую инициативу в решении «национального вопроса» проявило новое советское руководство – так называемая бериевская оттепель. После XX съезда партии либерализация общественной жизни создавала условия отдельным группам общества, в первую очередь литовской интеллигенции, поднимать культурные, национальные вопросы, актуальные для титульной нации.

В-третьих, местные республиканские элиты – руководители советской Литвы – воспринимали национальный вопрос (а точнее, этнокультурные аспекты национального) как важное и эффективное средство для легитимации советской (и своей персональной) власти.

В-четвертых, новый политический курс КПСС для местных элит – руководителей Коммунистической партии Литвы (КПЛ) – также создавал проблемы и вызовы. Перед руководством КПЛ встал вопрос, как отделить этнокультурные и легитимные потребности титульной нации от попыток политизировать эти потребности, то есть от того, что в официальном дискурсе называлось *буржуазным национализмом*.

И, наконец, в-пятых, замечу, что в статье дается только очень фрагментарный анализ начала десталинизации¹. У читателя может

¹ Более обширный анализ десталинизации в Литве, взаимоотношения между политическими процессами и «национальным вопросом» см.:

возникнуть также вопрос и о периодизации процесса десталинизации в Литве. 1957 г. – важный этап в этом процессе. Прежде всего, руководству советской Литвы удалось достаточно успешно решить «национальные проблемы» в конце 1956 г. – усмирить «националистический всплеск» в республике. Также в начале 1957 г. в политике КПЛ можно увидеть тенденцию отступления (хотя и очень осторожное, непоследовательное) от жесткого классового подхода к обществу к более умеренной политике².

«Национальные вопросы» в политике КПЛ в 1953 г. появились под влиянием советского руководства, в первую очередь Лаврентия Берии. Я имею в виду докладную записку Берии от 8 мая Президиуму ЦК КПСС и Постановление ЦК КПСС, принятое 26 мая, которое называлось «Вопросы Литовской ССР»³. Москва признала неудовлетворительную работу ЦК КПЛ и Совета Министров Литовской ССР, руководство советской Литвы критиковалось за «извращения в национальной политике».

Одним из главных вопросов, который поднимался советским руководством, – был вопрос о национальных кадрах. Делался вывод, что есть недостаток литовских кадров в структурах МВД, МГБ, а также в партийном и советском аппарате, поэтому советская власть неэффективна и не имеет поддержки у большинства населения.

В решении ЦК КПСС говорилось: «...В аппарате ЦК КП Литвы из 15 заведующих отделами всего 7 литовцев; в Каунасском обкоме партии из 11 заведующих отделами и секторами – 2 литовца; в Каунасском горкоме партии из 8 заведующих отделами – 1 литовец; в Вильнюсском обкоме партии из 16 заведующих отделами и сектора-

Sirutavičius V. Etnokultūriniai nacionalizmo proveržiai ir valdžios politika: apie lietuvių nacionalinę identifikaciją po-stalininiu laikotarpiu // Epochas jungiantis nacionalizmas: tautos (de)konstravimas tarpukario, sovietmečio ir po-sovietmečio Lietuvoje [Манифестации национализма и политика власти: литовская национальная идентичность в постсталинский период // Эпохи объединяющий национализм: (де)конструирование народа в межвоенной, советской и пост-советской Литве] / red. Č. Laurinavičius. Vilnius., 2013. P. 169–203.

² Некоторые авторы именно этот аспект в политике советского руководства после XX съезда – отступление от жесткого классового подхода – считает главной чертой процесса десталинизации. См.: Jervis R. Identity and the Cold War // The Cambridge History of the Cold War / ed. by M.P. Leffler, O.A. Westad. Cambridge University Press, 2014. Vol. 2. P. 36.

³ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигаев. М., 1999. С. 49–52.

ми – 3 литовца; в Шауляйском обкоме партии из 8 заведующих отделами литовцев всего 2 человека. В партийных органах республики, как правило, вторыми секретарями партийных комитетов состоят русские работники. Естественно, что при таком положении литовские товарищи не чувствуют в полной мере возложенной на них ответственности».

Далее отмечалось: «Делопроизводство как в республиканских, так в районных партийных органах Литовской ССР, как правило, ведется на русском языке. Конечно, все это не может не сказаться на настроениях в деревне и в особенности среди литовской интеллигенции, которая связана с националистическим подпольем и с эмиграцией».

Некоторые представители литовской власти начали исполнять Постановление президиума ЦК КПСС, не дождавшись решения Пленума ЦК КПЛ. Прокурор республики Георгий Бахаров⁴ своим приказом от 2 июня уволил с работы нескольких сотрудников республиканской прокуратуры с формулировкой «как не знающих литовского языка». Кстати, Бюро ЦК КП Литвы 9 июня признало решение прокурора ошибочным. В его решении было сказано, что Бахаров «проявил вредную и ненужную поспешность»⁵.

На этом заседании Бюро обсуждался и проект постановления Пленума ЦК КПЛ «О постановлении ЦК КПСС от 26 мая, «Вопросы Литовской ССР». На Пленуме, состоялся 11–13 июня, руководство КПЛ признало правильность Постановления ЦК КПСС, свои ошибки в национальной политике. Много говорили о том, что и как менять.

Большое внимание уделялось литовскому языку. Его роль в общественной жизни подчеркнул Первый секретарь ЦК КПЛ Антанас Снечук. Он отметил, что литовский язык игнорируется партийными и советскими органами. Это особенно заметно в столице советской Литвы – г. Вильнюсе: практически все общественные надписи сделаны на русском, в государственных и советских учреждениях трудно изъясняться на литовском. А это, по его мнению, создает благоприятную почву для «буржуазного национализма» и «антирусской пропаганды».

⁴ Георгий Бахаров был прокурором Литовской ССР с 1948 по 1957 гг. Перед этим работал прокурором в Смоленской и Тамбовской областях. После Литвы продолжил карьеру прокурора в Ивановской области.

⁵ LKP(b) SK biuro protokolo nr. 39 medžiagos [Материалы к бюро ЦК КПЛ], 06–09.06.1953 // Lietuvos Ypatingasis archyvas, LKP dokumentų skyrius (далее – LYA DS) [Литовский Особый архив, отдел документов КПЛ]. F. 1771. Ap. 131. B. 282. L. 46–48.

Резко выступал и руководитель правительства Литвы Мечисловас Гедвилас. Он много говорил о кадровой политике, о том, что надо активнее и решительнее выдвигать «национальные [литовские] кадры». Еще на Бюро 9 июня Гедвилас заявил, что все руководители промышленных предприятий в Литве должны быть литовцы. По мнению Гедвиласа, во всех советских учреждениях представители титульной нации должны иметь возможность разговаривать на родном языке⁶.

Уже на заседании Пленума о кадровом составе в руководстве КПЛ произошли важные изменения. (Ранее изменения произошли в руководстве МВД республики.) Был освобожден от занимаемой должности второй секретарь Василий Аронов, им стал близкий к Снечкусу Владас Нюнька, а вместо первого заместителя председателя Совета Министров В. Писарева был назначен Мотеюс Шумаускас.

Тенденцию изменения кадрового состава по национальному принципу можно проследить не только Вильнюсе, но и на периферии, на уровне местных органов власти. Происходившие изменения подтверждают разные источники, в том числе и так называемые письма к власти – как правило, центральной власти, ЦК КПСС, реже – литовскому партийному руководству. Авторы жаловались на неправильное увольнение с работы по национальному принципу или об усилении местного литовского национализма⁷.

В литовской историографии утверждается, что весной и летом 1953 г. (как раз в это время было принято решение об упразднении областей и кадровой перестановке в министерствах) около 6 тыс. работников потеряли работу. С июня до начала октября из республики уехали около 2500 разных партийных работников⁸. В большинстве это были приезжие из других советских республик, в первую очередь из Российской Федерации. Эти обстоятельства создавали условия

⁶ LKP CK V-as plenumas, 11–13.06.1953. Stenograma [Стенограмма V Пленума ЦК КПЛ] // LYA DS. F. 1771. Ap. 131. B. 179. L. 32, 232.

⁷ Автор одной такой жалобы писал, что после июньского Пленума отдельные секретари райкомов «скатились в лагерь местного национализма» и начали проводить массовое увольнение работников русской национальности. По этому анонимному письму, которое было адресовано Г. Маленкову и Снечкусу, было начато расследование. В докладной записке к Снечкусу говорилось, что в конце июня секретари райкомов получили задание от ЦК КПЛ о составлении «списков работников русской национальности с указанием места нового жительства» и «провели индивидуальные беседы с такими работниками...» Это вызвало недовольство у части работников и разные слухи. См.: Письма и жалобы, 1953 г. // LYA DS. F. 1771. Ap. 146. B. 18. L. 134–137.

⁸ Streikus A. Politinės ir ekonominės raidos bruožai Lietuvoje. 1953–1955 [Политическое и экономическое развитие Литвы. 1953 – 1955] // LGGRTI Darbai [Труды центра резистенции и геноцида]. Vilnius, 1996. Nr. 2. P. 71.

для формирования более литовской по национальности КПЛ, а также более литовского советского бюрократического аппарата. Число литовцев в то же самое время в партийном аппарате выросло с 38 до 48%, в министерствах – от 41 до 51%⁹.

Таким образом, бериевская «оттепель» создала предпосылки для изменения в кадровой структуре партии и советского аппарата. Включение «кадрового вопроса» в политическую повестку дня позволило руководству КПЛ не только укрепить и расширить свое влияние в бюрократическом аппарате, но и ослабить влияние неместных, приезжих. Уже после ареста Берии руководитель КПЛ А. Снечкус подчеркивал, что решения КПСС от 26 мая остаются в силе. И хотя первый секретарь КПЛ признавал, что была поспешность в решении кадровых вопросов, он не отказался от установки выдвижения на руководящие посты национальных кадров.

В то же время быстрые и радикальные изменения в политике центральной власти летом 1953 г. (в конце июня Берия был арестован, а в начале июля был созван внеочередной Пленум ЦК КПСС, на котором говорилось о необходимости ликвидировать вредные последствия его национальной политики), а позже – изменения в руководстве советского государства в начале 1955 г., вносило в ряды литовской партийной элиты неуверенность, конкуренцию и трения. Надо признать, что Снечкус с этим вызовом справился и наконец укрепил свою власть. В ноябре 1955 г. он и его окружение отстранили от власти Председателя Совета Министров Гедвиласа¹⁰ (формально вопрос о Гедвиласе решился в начале января 1956 г.).

Большое внимание уделялось также борьбе с буржуазным национализмом. На июльском Пленуме ЦК КПЛ (13–14 июля 1953 г.) Снечкус не только подчеркивал отрицательные и вредные аспекты национальной политики Берии, но и обратил внимание на одно важное обстоятельство – именно национальная политика Берии «активизировала» националистические элементы и настроения в республике. По мнению первого секретаря, даже некоторые коммунисты

⁹ Там же.

¹⁰ Вопрос Гедвиласа решался на закрытом заседании Бюро ЦК КПЛ в ноябре 1955 г. Бюро решило освободить Гедвиласа от занимаемой должности, а вместо него утвердить человека Снечкуса – Шумаускаса. Интересно, что Бюро на этом самом заседании «просило» ЦК КПСС на место второго секретаря прислать «товарища», который имел опыт работы в сельском хозяйстве. (Гедвиласу как раз ставились в вину проблемы в сельском хозяйстве, что он недостаточно активно осуществлял коллективизацию и «либеральничает») См.: LKP CK biuro nutarimas [Постановление бюро ЦК КПЛ]. 14.11.1953; Niunka V. Trumpi uždarai LKP CK biuro užrašai [Нюнька В. Короткие записки Бюро ЦК КПЛ]. 14.11.1953 // LYA DS. F. 1771. Ap. 190. B. 10. L. 8, 11–18.

и комсомольцы поддались влиянию «националистических настроений». Также участились «националистические нападки на русских». В конце июля 1953 г. Бюро ЦК КПЛ приняло постановление и утвердило мероприятия по борьбе с «националистическими вылазками»¹¹. В постановлении, например, говорилось и о необходимости организации открытых судебных процессов над лицами, которые ведут враждебную националистическую пропаганду.

Если в самом начале десталинизации национальные аспекты в политике появлялись под влиянием (и давлением) Москвы, то в 1956 г. ситуация изменилась. Появлялись новые внешние и внутренние факторы, которые косвенно или напрямую влияли на политическую и социальную ситуацию в Литве. Политизация и радикализация общественного мнения в 1956 г. происходила более интенсивно. Конечно, можно предполагать, что влияние имел XX съезд, осуждение сталинского культа и его последствий.

И все-таки анализ архивных документов показывает, что первая половина 1956 г. была относительно спокойная, не было признаков того, что в республике могут произойти волнения на национальной почве. Правда, уже летом, в июне, Снечкус писал в Москву – в ЦК КПСС, что «националистические элементы активизировались». По мнению первого секретаря ЦК КПЛ, это произошло из-за плохого экономического положения, вражеской пропаганды и, как он признавался, из-за ошибок литовского руководства¹².

Во второй половине 1956 г. появились новые внешние факторы, влияющие на общественное мнение. Это – известия о волнениях в Венгрии и особенно – в Польше. Органы государственной безопасности и внутренних дел фиксировали разные проявления *буржуазного национализма* и усиления антирусских, антисоветских «настроений», более всего – среди молодежи и студентов. Типичными для того времени были слухи, что из-за событий в Венгрии и Польше русские уедут из Литвы и Литва станет свободной.

Еще одним важным фактором, который влиял на проявления национализма, по крайней мере так его воспринимала власть Литвы, было возвращение в Литву осужденных за антисоветскую деятельность. По данным КГБ Литвы, к концу 1956 г. в республику вернулись около 17 тыс. осужденных за антисоветскую и контрреволюционную деятельность.

¹¹ Мероприятия по усилению борьбы с вражескими буржуазно-националистическими вылазками. 23.07.1953 // LYA DS. F. 1771. Ap. 131. B. 290. L. 70–73.

¹² В письме Снечкус также жаловался на руководителей союзных предприятий и приезжих, что они не учат литовский язык. А. Снечкус, письмо в ЦК КПСС. 06.06.1956 // LYA DS. F. 1771. Ap. 190. B. 10. L. 66–76.

Вернулись и некоторые влиятельные политические деятели межвоенной Литовской республики. Оказывали ли они какое-то воздействие на происходящее в Литве, трудно сказать однозначно. Но факт остается фактом – литовское руководство эту социальную группу считало особенно опасной¹³. Проблемы, возникшие в связи с возвращением людей этой группы, КПЛ постаралась решить. В ноябре 1956 г. Снечкус обратился в ЦК КПСС с просьбой запретить селиться в Литве бывшим участникам подполья, и вопрос был решен позитивно в 1957 г.

Кульминацией антисоветских и националистических проявлений были массовые демонстрации в Вильнюсе и Каунасе в самом начале ноября. В историографии есть разные данные о количестве людей, принимавших участие в манифестациях. В отчетах литовского КГБ утверждалось что в Каунасе участвовали около 4 тыс. протестующих, в Вильнюсе – на порядок меньше. Данные о задержанных тоже отличаются. В Каунасе, по некоторым данным, было задержано около 90 человек – большая часть их была отпущена¹⁴.

Еще одним важным аспектом событий 1956 г. было то, что все активнее разные требования национального характера к власти начали выдвигать представители лояльной интеллигенции, особенно писатели. В ноябре на отчетном партийном собрании Совета писателей выступали известные литовские писатели – Антанас Венцлова, Эдуардас Межелайтис, Юозас Балтушис, Альгимантас Балтакис, Антанас Ионинас. Практически все они касались актуальных вопросов национальной культуры, литовского языка, исторического прошлого. Например, Венцлова, автор слов гимна Советской Литвы, говорил о том, что надо наконец переименовать проспект Сталина на проспект Гедиминаса. (Этого тоже требовали и студенты Вильнюсского государственного университета.) Другие выступавшие возмущались, что в советских учреждениях служащие не знают литовского языка, а иногда даже оскорбляют тех, кто обращается на литовском. На собрании писателей присутствовал и секретарь Вильнюсского городского комитета партии Пятрас Гришкевичюс. Со многими претензиями,

¹³ По мнению председателя КГБ ЛССР К. Ляудиса, во многом на «антисоветские проявления» повлияло массовое возвращение из мест заключения лиц, приговоренных за контрреволюционную деятельность. По словам Ляудиса, эти люди происходящее в Венгрии и Польше воспринимали «как сигнал для антисоветских действий». См.: Отчет председателю КГБ СССР И.А. Серову. 27.02.1957 // Lietuvos Ypatingasis archyvas (далее – LYA) [Литовский Особый архив]. F. K-16. Ap. 1. B. 85. L. 8–9.

¹⁴ Отчет председателя КГБ ЛССР К. Ляудиса Снечкусу. 16.11.1956 // LYA. F. K-41. Ap. 1. B. 510. L. 335–341.

высказанными писателями, он согласился и признал, что в национальной политике был сделан ряд ошибок¹⁵.

В тот же месяц группа писателей и художников обратилась с письмом к Председателю Правительства ЛССР с призывом больше внимания уделять литовским школам в восточных районах Литвы, где большинство жителей составляли поляки. С похожим письмом обратился и Венцлова. Он предлагал руководству больше заботиться о литовцах, живущих в западных районах Беларуси.

Позиция интеллигенции, и особенно писателей, лояльных к власти, волновала и тревожила партийное руководство и самого Снечкуса. Не случайно поэтому в начале 1957 г. руководители партии несколько раз встречались с писателями. Во время этих встреч сам первый секретарь доказывал писателям, что в политике можно сочетать социализм с культурными потребностями литовского народа. Снечкус подчеркивал, что партия не за «запреты» в культуре, а, напротив, за более широкое использование литовского культурного наследия. Главное, по его мнению, чтобы «враги социалистического строя» этим наследием не воспользовались. Вот как Снечкус определил в советской литовской культуре место известного поэта и священника Майрониса: (1862–1932 гг.): «Нам надо достичь того, чтобы Майронис служил нам. Ну а если нет – не подходит»¹⁶.

И в заключение можно сделать вывод, утверждающий, что власть Литвы решила главную задачу, которая стояла перед ней на начальном этапе десталинизации – *деполитизировать национальные проявления*. На встрече с коммунистами в Каунасе в марте 1957 г. Снечкус сказал слова, которые как бы определили цели партии в процессе десталинизации: «Мы должны на свою сторону перетянуть всех, кроме убийц. Тем, которые хотят добросовестно работать, но не согласны с нашим строем, мы можем подать им руку. Но если они не будут добросовестно работать, мы будем делать выводы. Если они будут нам мешать, мы их отодвинем с пути»¹⁷.

В новых условиях лидер литовских коммунистов выступал за более прагматичную политику партии, в которой *классовый подход* уже не был преобладающим.

¹⁵ Informacija apie Lietuvos SSR rašytojų sąjungos valdybos partinės organizacijos susirinkimą [Информация о партийном собрании совета писателей]. 19.11.1956 // LYA DS. F. 3109. Ap. 21. B. 20. L. 220–221.

¹⁶ A. Sniečkaus pasikalbėjimo su Lietuvos rašytojais komunistais protokolas [Встреча А. Снечкуса с советскими литовскими писателями]. 16.01.1957, 18.01.1957 // LYA DS. F. 16895. Ap. 2. B. 226. L. 1–20, 22–45.

¹⁷ Kauno m. XII partinė konferencija. Stenograma [Стенограмма XII партийной конференции в г. Каунасе]. 06–07.03.1957 // LYA DS. F. 3110. Ap. 22. B. 3. L. 141.